

КАК НАСЛЕДНИК ПРЕСТОЛА АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЧИТАЛ ПУШКИНА (1829–1837)

ДАМИАНО РЕБЕККИНИ

В статье по архивным источникам исследуется место литературы в обучении будущего императора Александра II в 1829–1837 гг., круг его обязательного и дополнительного чтения, а также эстетические, идеологические и педагогические установки его учителей — В. А. Жуковского и П. А. Плетнева. Специально рассматривается роль произведений А. С. Пушкина в образовании наследника и в пространстве придворной культуры.

Ключевые слова: Пушкин, Жуковский, Николай I, Александр II, придворная культура, чтение, практики чтения.

Damiano Rebecchini. How the Heir to the Throne Alexander Nikolaevich Read Pushkin (1829–1837)

In this article we describe a series of readings that the heir to the throne Alexander Nikolaevich (1818–1881) gave of works by Pushkin between 1829 and 1837. Various figures from the world of the court took part in these readings, from the poet Zhukovskii to the teacher Pletnev, from the heir's classmates to members of his family. In the article we show how Pushkin's texts simultaneously took on very different meanings and purposes according to the participants and to the ways in which Pushkin's writings were read. Basing on sources still not examined, such as Alexander's course notes and his diary, we highlight the place occupied by Pushkin's work in the heir's education and in the sphere of court culture, and the way in which those court readers used and gave sense to Pushkin's writings.

Keywords: Pushkin, Zhukovskii, Nicholas I, Alexander II, Practices of Reading, Court Culture, Russia.

В настоящей статье мы намерены описать, как наследник русского престола Александр Николаевич (1818–1881) читал и воспринимал произведения Пушкина в период с 1829 по 1837 г. Избранная тема может быть рассмотрена под разными углами зрения, например, в контексте педагогики — какое место пушкинские творения занимали в курсах, которые его наставник В. А. Жуковский и учитель русского языка П. А. Плетнев преподавали Александру Николаевичу? Проблему можно сформулировать и исходя из

культурного контекста двора — какую роль играли тексты Пушкина в придворной культуре в конце 1820-х – 1830-е гг. и, в особенности, в кругу чтения наследника? Вероятно, на наш сюжет можно посмотреть и в идеологической перспективе — как пушкинские творения повлияли на историко-политические воззрения будущего царя? Часто речь шла о коллективных чтениях, в которых принимал участие не только наследник, но и определенный круг придворных — Жуковский, Плетнев, два соученика Александра Николаевича: Иосиф Виельгорский и Александр Паткуль, его воспитатель генерал Карл Мердер, иногда император с супругой. В зависимости от аудитории чтений пушкинские тексты могли одновременно выполнять разные функции. В этом смысле максимально полное описание «контекста чтения» становится принципиальным: именно контекст позволяет реконструировать значение, которое вкладывалось в конкретное чтение.

Кроме того, чтения происходили довольно долго, с 1829 по 1837 г. В этом промежутке времени эстетические и идеологические позиции читателей-слушателей значительным образом трансформировались. Развивались языковые и литературные навыки наследника, читавшего Пушкина с одиннадцати до двадцати лет; менялась точка зрения на пушкинские тексты и тех, кто окружал великого князя и влиял на него. В это время не только трансформируется читательская перспектива, решительным образом эволюционирует и писательская манера самого Пушкина. Произведения последних лет бросают новый свет на его юношеские творения. Выход в свет всякого нового сочинения значимым образом меняет эстетические и идеологические контуры всего корпуса пушкинских текстов, созданных к тому времени.

Цель настоящей статьи — показать, как чтение пушкинских сочинений при дворе могло обладать самыми разными смыслами в зависимости от перспективы читателя и момента знакомства с текстом. Точнее, мы хотим продемонстрировать, как, читая Пушкина, придворные «производили» разные «действия» [Остин 1999: 16–19]. Мы намерены выявить целую гамму действий, которые совершались в момент чтения пушкинских сочинений. Для этого мы воспользуемся лингвистическими категориями, разработанными в середине 1950-х гг. Дж. Л. Остином и Р. Якобсоном, и постараемся показать, как каждая новая практика и каждый отдельный акт придворного чтения активировали одни функции литературного текста, затемняя другие, и таким образом всякий раз способствуя совершению особого «действия» [Остин 1999: 15–138; Якобсон 1975: 193–230]. Каждый новый тип

чтения и каждый его адресат фактически модифицировали иерархию коммуникативных функций, заложенных в литературном тексте, переводя основные его функции в разряд второстепенных и наоборот.

Мы реконструируем историю этих чтений на основе двух прежде неизвестных источников (не считая целого ряда уже опубликованных мемуаров и свидетельств): записей и учебных материалов, которые использовал наследник в курсе Плетнева, и дневника, который заполнял Александр Николаевич во время занятий¹.

1. В учебном плане великого князя, задуманном Жуковским и одобренном Николаем I, изучению русской литературы не отводилось большого места². Будущая роль наследника требовала овладения целым набором знаний — языковых, исторических, географических, юридических, политических, экономических. Как следствие, особенно вначале, формированию его литературных вкусов отводилось весьма ограниченное время — в рамках курса по русскому языку³. В первые годы обучения, с 1826 по 1833 год, когда наследнику было соответственно 8 и 15 лет, чтение русских авторов служило почти исключительно целям совершенствования языковых навыков. Лишь в последние четыре года обучения — с 1833 по 1837 год — будущий монарх прошел полноценный курс, посвященный историческому и систематическому обзору русской литературы⁴.

В первые годы обучения Александр не слушал отдельного курса по русскому языку и литературе. Стремясь познакомить своих учеников с базовой структурой европейских языков, в 1828 г. поэт прочитал наследнику и его двум товарищам вводные лекции по общей грамматике (шесть часов в неделю), названные им «*Философическая грамматика, примененная к русскому языку*» и основанные на философской грамматике А. И. Сильвестра

¹ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 232 («Учебные сочинения и переводы на русском языке в. кн. Александра Николаевича»); ед. хр. 233 («Записки лекции П. А. Плетнева по истории русской литературы, сделанные в. кн. Александром Николаевичем. Черновик с исправлениями преподавателя»); ед. хр. 284 («Дневник в. кн. Александра Николаевича за 1835 год»); ед. хр. 286 («Дневник в. кн. Александра Николаевича за 1836 год»).

² См.: Жуковский В. А. План Учения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича // [Жуковский 2016: 104–121]. О количестве учебных часов в рамках плетневского курса см., например: «Порядок учения на 1832 год» // [Годы учения 1881: 46–47].

³ Об истории формирования дисциплины «русская словесность» как отдельного предмета в средней школе в России в первой половине XIX в. см.: [Сенькина 2013: 37–38].

⁴ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 233.

де Саси [Жуковский 2016: 107]⁵. В этом курсе наставник, обсудив ряд общих понятий грамматики, актуальных для всех европейских языков, дал беглый обзор русской грамматики и истории русского языка⁶.

В 1829 г. Жуковский по большей части концентрировался на усовершенствовании практического знания русского языка своих учеников, в особенности с помощью устных и письменных упражнений. По решению поэта пять часов в неделю они повторяли на русском лекции по всеобщей истории, которые Фридрих Липман читал им по-французски, и по естественной истории, которые Карл Триниус читал по-немецки⁷. Действительно, постоянная практика перевода, как устного, так и письменного, служила одним из оснований педагогического метода Жуковского [Ребеккини 2016: 20–27]. Он считал важным, чтобы наследник не только в совершенстве владел европейскими языками, но и был европейски образован. По мнению поэта, практическое обучение разным европейским языкам — это лучший способ развить мышление говорящего и расширить его интеллектуальные горизонты. Как Жуковский писал в учебном плане, представленном царю, каждый язык может обогатить читавшиеся на других языках предметы за счет только ему присущих особых идей и понятий: «Языки способны дополнять самому сообщенные знания знаниями, собственно приобретенными <...>» [Жуковский 2016: 105]. Именно такой подход позволял наследнику приобщиться к богатствам европейской культуры, что поэт считал совершенно необходимым. Как следствие, Жуковский настаивал в обсуждениях с царем на изучении четырех языков — французского, немецкого, английского и польского — и на регулярном повторении одних и тех же аргументов на разных языках до тех пор, пока не «утвердятся в памяти, объяснятся и дополнятся приобретенные знания» [Там же: 110], а кроме того на изучении латыни. Так, поэт писал императору:

Почитаю необходимым учение латинского языка: на сем учении будет основано учение всех других языков и оно весьма, весьма им облегчится, ибо латинский язык есть отец большей части Европейских. <...> В необходимости сего учения я уверен. Я не считаю для Великого Князя нужною ученость, но он должен иметь основательное просвещение; но латинский язык есть одно из действительных

⁵ Жуковский воспользовался книгой А. И. Сильвестра де Саси “Principes de grammaire générale, mis à la portée des enfants, et propres à servir d’introduction à l’étude de toutes les langues” (1799), учебником по лингвистике, созданном по образцу «Грамматики Пор-Рояля».

⁶ ОР РНБ. Ф. 286 (В. А. Жуковский). Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 1 об.

⁷ Там же. Л. 3 об.–4.

средств развития умственных способностей, а в классиках латинских источник истинного просвещения [Жуковский 2016: 100–101].

Однако в итоге поэту пришлось уступить монарху: Николай исключил латинский язык из учебной программы сына.

Помимо многих аудиторных учебных часов (шесть в день), с самого начала предполагалось, что ученики будут читать вечерами. Эти чтения «ради удовольствия» должны были стать более частыми в каникулярное время. В 1828 г. Жуковский, планируя вечерние чтения со своими учениками, предпочел отвести больше времени книгам на французском, а не на русском языке. Он писал в своих подготовительных заметках: «Во время вакации по утрам и в последний полугод после обеда от 6 до 7 занимались чтением. Прочитали Илиаду и Одиссею на французском языке с картами и планами, Дон Кихота на французском, несколько повестей на французском, русском и немецком»⁸. Впрочем, в середине июля поэт познакомил учеников с несколькими своими повестями, а Мердер отметил, что «великий князь начал находить вкус в чтении» [Мердер 1885: 364]. Иногда Жуковскому сопутствовал Плетнев (в то время читавший лекции Елене Павловне и затем Марии Николаевне). Среди первых текстов, прочтенных Плетневым наследнику летом 1828 г., мы находим, например, «Каллисфа» Фонвизина и рассказ «Прусская ваза» Мэри Эджворт, переведенный самим Жуковским. Эти сочинения произвели на наследника большое впечатление: «Обе действовали на него столь сильно, что он через год еще напоминал мне об этом чтении», — как впоследствии отметил его учитель⁹.

В ноябре 1829 г. курс по русскому языку был доверен Плетневу, представившему Жуковскому свой план занятий¹⁰. В нем изучение русского языка делилось на три этапа: сначала предпочтение отдавалось практическим навыкам владения языком — чтению, письму и устному изложению; затем наставник должен был истолковать ученикам теоретические аспекты лингвистического анализа (морфологию, синтаксис и т. д.), которые могли рассматриваться на конкретных примерах, заимствованных из поэтических текстов на русском языке. Наконец третий этап, предусмотренный Плетневым, предполагал значительное число упражнений в письменном сочинении и одновременно самый настоящий курс по истории русской словесности.

⁸ ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 2. О чтении «Илиады» и «Одиссеи» с помощью карт и эстампов см.: [Rebecchini 2014: 101–102].

⁹ РО ИРЛИ. Ф. 234 (П. А. Плетнев). Оп. 1. Ед. хр. 2 («Дневник занятия с детьми Николая I»). Л. 4 об. Перевод рассказа Эджворт, сделанный Жуковским, был опубликован в 1808 г. в «Вестнике Европы». См.: [Жуковский 2014: 320–340, 504].

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 125а («Особенные планы»). Л. 1–22.

На начальном этапе обучения русскому языку часть лекций отводилась чтению. Плетнев особенно старался исправлять произношение и интонацию речи, истолковывать смысл слов, неизвестных ученикам. Как он писал в плане, поданном Жуковскому, «преподающий за недостатком детских книг на русском языке, составит собственные тетради, строго сообразуясь с положением читающего <...> так чтобы это чтение неприметным образом совершенствовало и ум, и вкус, и нравственность»¹¹. В этой перспективе следует рассматривать и появление, благодаря Жуковскому, такого дидактического инструмента, как сборник «Собиратель», в котором тексты разного объема («отрывки» и «выписки») распределялись в соответствии с разными тематическими рубриками. Сочинения выступали предметом чтения и рефлексии, что должно было способствовать как умственному, так и эстетическому и нравственному развитию ученика.

В тот момент, когда Плетнев как официально утвержденный учитель русского языка присоединился к вечерним чтениям с наследником, число текстов на русском языке начало увеличиваться. Уже на этом этапе Плетнев хорошо осознавал, какое идеологическое влияние могут оказывать на ученика те или иные сочинения. По этой причине он решил подробно фиксировать произведения, прочитанные с Александром Николаевичем, в специальном дневнике. На первых его страницах он отмечал: «Приступая к этой новой обязанности начинаю вести свой журнал, чтобы не утратить из памяти пьесы, которые найдены были и взяты для чтения»¹². В ноябре 1829 г. Плетнев записал в дневнике: «На меня было возложено составлять выбор чтений и приводить его в исполнение. Это обстоятельство, особенно в отношении к наследнику престола, я почитал весьма важным, думая, что чтение может столько же действовать на сердце, как на обращение с людьми»¹³. То есть по мнению Плетнева важность чтения была связана с тем, что оно могло воздействовать не только на самовосприятие будущего монарха и формирование его внутреннего мира, но и на то, как он воспринимал отношения с себе подобными и, шире, свои действия в политической сфере. Поэтому выбор текстов для чтения казался ему делом весьма деликатным.

Оба наставника считали, что «Детское чтение для сердца и разума» Новикова и Карамзина уже устарело, поэтому, учитывая отсутствие значимой альтернативы, Плетнев решил ориентироваться на тексты, помещенные в ряде важных русских журналов и альманахов начала XIX в. — например,

¹¹ ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 125а («Особенные планы»). Л. 1 об.

¹² РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 2 («Дневник занятия с детьми Николая I»). Л. 5 об.

¹³ Там же.

в «Чтении для вкуса, разума и чувствований», «Приятном и полезном препровождении времени», «Пантеоне иностранной словесности», «Вестнике Европы» — или напечатанные в сборниках, подобных «Избранным нравоучительным повестям лучших иностранных писателей»¹⁴. Учитель записывал в своем журнале: «Стараясь в этом занятии сохранить даже литературную пользу, я решился хронологически пройти все замечательнейшие русские журналы и воспользоваться в них всем, чем было можно»¹⁵. Таким образом Плетнев начал черпать материалы из русских переводов иностранных авторов — от Плутарха до мадам Жанлис, от басен Мейснера до рассказов Арно Беркена и Мэри Эджворт. При этом Плетнев не собирался обращать внимания учеников на стиль самих переводов. Он отмечал в дневнике: «За правило было мной принято не смотреть на слог, который я совершенно изменял во время чтения. Я только искал занимательность в рассказе, соль в нравоучении и надлежащего достоинства в характерах»¹⁶.

Предположение Плетнева, что эти тексты могли оказать на его ученика определенное идеологическое воздействие, вскоре нашло подтверждение в реакциях самого наследника, которые учитель русского языка фиксировал в своем дневнике. Например, в декабре 1829 г. Иосиф Виельгорский читал одиннадцатилетнему Александру Николаевичу и их сотоварищу Паткулю рассказ Жана Шарля де Лаво «Блистательный праздник». Текст касался лести, обращенной к монарху. По мнению Плетнева, Виельгорский сделал свое дело мастерски: «Читал граф Виельгорский. Искусство чудное, не по летам. Он прекрасно оттенял переходы от повествования к разговорам лиц и наоборот»¹⁷. Помимо наследника, Паткуля и Плетнева, при чтении присутствовал воспитатель Мердер. Плетнев занес в дневник:

Эта повесть была причиной продолжительного и жаркого разговора между всеми нами. Генерал Мердер и я спрашивали Великого Князя, принимает ли он к своему сердцу моральную истину, заключающуюся в повести. Он был до слез смущен и старался уклоняться от того, что должно будет и конечно не замедлил <так! — Д. Р.> приготовить ему лесть. Великий Князь принимал тон человека, который не позволяет это с собой сделать. Но на этот раз живо и ясно сказано

¹⁴ Жуковский писал А. П. Зонтаг 27 октября 1827 г.: «У нас, кроме “Детского чтения”, нет ничего порядочного. <...> “Детское чтение” уже устарело» [Жуковский 1904: 101].

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 2 (Дневник занятия с детьми Николая I). Л. 5 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ 20 декабря 1829 г. чтение из «Избранных нравоучительных повестей», ч. 2, стр. 99 и далее, см.: РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 13–13 об.

ему, что едва ли он будет иметь столько над собой и над другими власть. Этот разговор должен был оставить в нем впечатление сильное¹⁸.

Особенное умение Виейльгорского читать текст, кажется, затронуло чувствительные стороны души Александра Николаевича, речь зашла о его непростых отношениях с товарищами, придворным обществом и, шире, сферой социального¹⁹. В другой раз, также в декабре 1829 г., наследник уже сам прочитал исторический рассказ «Снитгер. Гамбургский анекдот», посвященный бесстрашным попыткам гамбургского гражданина Георга Снитгера защитить в конце XVII в. местные республиканские свободы от притязаний окружающих Гамбург монархических государств. Наблюдая за наследником, Плетнев отметил, что «в его произношении заметно было движение души», а сам Александр Николаевич «не был равнодушен к бедствиям славного, но несчастного республиканца»²⁰. В этот момент Плетнев решил незаметно подвести беседу к аргументу о формах правления: «Разговор слегка обращен был на то, какого рода правления предпочтительнее». Наставник был удивлен быстрым ответом наследника: «Вместо ответа мне сделано было замечание, что не все государства по своему объему и народному духу способны к одинаковому образу правления»²¹. Несмотря на свой возраст, Александр Николаевич, кажется, хорошо уловил политическую валентность текста и отчетливо представлял себе всю важность монархической идеи для столь обширной империи, как Российская. В то же время не менее очевидно, что его учитель Плетнев тонко использовал идеологический потенциал этих сочинений, стремясь образовать не только вкус ученика и его нравственность, но и историко-политические взгляды.

В выборе текстов для вечерних и летних чтений Плетнев уделял большее внимание нравоучительной прозе начала XIX в. Напротив, Жуковский в своих предпочтениях чаще ориентировался на эпические жанры и литературные новинки. В июне 1828 г. во время каникул он объяснял императрице Марии Федоровне, как устроена программа каникулярных чтений учеников: «будем только *повторять* старое и заниматься особенно чтением, на которое будут посвящаемые утренние часы. Будем читать французские,

¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 13 об.

¹⁹ Об отношениях наследника с Иосифом Виейльгорским см.: [Лямина, Самовер 1999].

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 11 об. Чтение 13 декабря 1829 г. Имеется в виду помещенный в «Вестнике Европы» 1803 г. (Ч. 11. Сентябрь. № 17. С. 3–20) перевод Н. М. Карамзина (оригинал: *Snitger L. Anecdote Hambourgeoise // Décade. 1803. T. 38, № 29, 20 messidor. P. 104–115*).

²¹ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 11 об.

русские и немецкие книги, но еще просто занимательные; между прочим однако и статьи из Илиады. В Гомере много привлекательного для детей» [Годы учения 1881: 42]. Прочитав ряд фрагментов из гомеровских поэм во французском переводе²² в первой половине 1828 г. и, особенно, летом этого года, поэт в последующие месяцы познакомил своих учеников и со своим переложением, сделанным по переводам Поупа и Фосса²³. В сентябре 1828 г. Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Перевожу для детей своих отрывки из Илиады, и уже перевел довольно» [Жуковский 1895: 247]. Тем не менее Жуковский и Плетнев не преминули через несколько лет прочитать ученикам фрагменты нового перевода Гнедича, намного более строгого в риторическом смысле, нежели свободное переложение Жуковского. Плетнев записал в дневнике в январе 1830 г.: «Вместо обыкновенного чтения слушали мы отрывок из Илиады, переведенной Гнедичем, который читал сам переводчик, будучи представлен в этот вечер наследнику»²⁴. В частности, речь шла о фрагментах «Посещение Приамом Ахиллеса» и «Прощание Гектора с Андромахой». Что касается книжных новинок, то Жуковский незадолго до чтения Гнедичем своих отрывков решил познакомить учеников со свежим историческим романом: в январе 1830 г. Плетнев отметил в дневнике: «Вместо предположенного мной чтения, которое было назначено Графу Виельгорскому, Жуковский читал новый исторический роман Загоскина Юрий Милославский»²⁵. Так — наряду с событиями, описанными в поэмах Гомера, — в воображении наследника возникало Смутное время и восхождение на престол династии Романовых, описанные в романе Загоскина.

2. Именно в контексте особенного внимания Жуковского к эпическому жанру и литературным новинкам в круг чтения наследника вошла поэма Пушкина «Полтава»²⁶. Жуковский разбирал со слушателями большой

²² Б. Ж. Битобе (1819) или Дюга Монбелю (1825).

²³ См.: [Номèре 1825]. Оба перевода «Илиады» Жуковский брал в библиотеке наследника, см.: [Ребеккини 2013: 135]. Ряд переведенных Жуковским стихов были напечатаны в «Собирателе» (1829. № 1. С. 13) под названием «Главк Диомеду». Более объемный фрагмент — около 600 стихов — вышел под титулом «Отрывок из Илиады» в «Северных цветах на 1829 год». Его предваряли следующие слова поэта, который, как кажется, намекал на дидактические задачи перевода: «Сей перевод сделан по некоторым особенным причинам». См.: [Егуннов 1964: 331–333].

²⁴ Чтение 24 января 1830 г. См.: РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 18 об.

²⁵ См. запись в дневнике Плетнева от 17 января 1830 г.: [Там же. Л. 17 об]. См. также одобрительный отзыв Жуковского о романе Загоскина: [Жуковский 1985: 371].

²⁶ [Жуковский 2016: 235–239].

фрагмент, озаглавленный самим наставником «Полтавский бой» и опубликованный им в составе второго тома педагогической хрестоматии «Собиратель»²⁷. Фигура Петра неоднократно и в разных ее аспектах использовалась в качестве образца для наследника его отцом Николаем I, Жуковским и учителем русской истории и статистики К. Арсеньевым²⁸. Уже в апреле 1827 г. Николай подарил сыну на его девятилетие портрет Петра Великого, советуя «быть ему подобным», как отметил сам великий князь в своем дневнике [Захарова 2004: 185]. В начале 1829 г. Жуковский также преподнес наследнику бюст Петра в качестве новогоднего подарка и поздравления [Лямина, Самовер 1999: 108]. В трех фрагментах «Полтавы», выбранных Жуковским для второго номера «Собирателя», наставник обращал внимание ученика на героический аспект пушкинской поэмы: в центре отрывка находится лишь фигура Петра Великого, его появление на поле битвы, решающий момент сражения, победа, бегство Карла XII и Мазепы, пир Петра, следующий за победой [Жуковский 2016: 235–239].

В особенном контексте придворной жизни 1820-х гг. фрагмент из «Полтавы», восхваляющий военный триумф Петра, мог вызвать в уме наследника ассоциацию с фигурой его собственного отца. Текст Пушкина отчетливо проецировался на современный политический контекст, связанный с первыми победами императора в русско-турецкой войне летом 1828 г. [Томашевский 1961: 389–390, 508]. Тем более, что сам Пушкин в «Стансах», прочитанных царем летом 1827 г. и опубликованных в 1828 г., уже легитимировал эту историческую параллель. Вся кампания против Турции 1828–1829 гг. интерпретировалась царем как шествие по пути, проложенному его знаменитым предком. После Петра Великого Николай был первым русским монархом, вошедшим на территорию Османской Порты [Шильдер 1903: 125]. В ситуации опасности во время военных действий сам Николай цитировал Петра [Там же: 146]. Взятие крепости Исакчи в мае 1828 г. стало для императора, как он писал жене, «одной из самых поразительных сцен всей моей жизни!»²⁹. Сам царь, как кажется, усматривал параллель между нынешней войной и победами Петра. 26 июня 1828 г. он писал жене из военного лагеря: «Сегодня исполняется 103 года со дня полтавской битвы. Что за воспоминания! Пусть память о Полтаве останется вечной!»³⁰. Наследник,

²⁷ О «Собирателе» см.: [Айзикова, Матвеевко 2003: 147–154].

²⁸ Об этом см.: [Ребеккини 2014: 262–278].

²⁹ Письма Николая к Александре Федоровне от 30 мая 1828 г. // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1460. Ч. 1. Л. 10 об.

³⁰ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1460. Ч. 1. Л. 15.

читая пушкинскую поэму, едва ли мог уловить глубокую поэтическую оригинальность текста, ускользнувшую от многих его современников. Скорее он обратил внимание на героико-патриотический смысл произведения, истолковав его, возможно, в свете панегирической и семейной семантики. Но если в глазах наследника чтение пушкинской поэмы, вероятно, соотносилось с моментом военного величия и славы его рода, то в глазах наставника то же чтение помогало выполнить совсем иную функцию: чтение и включение новой поэмы Пушкина в состав «Собирателя» знаменовали момент ее канонизации всего лишь через несколько месяцев после выхода в свет.

Задуманный Жуковским летом 1829 г. по образцу “Fürstenspiegel” («Зерцало для князей») И.-Я. Энгеля, сборник «Собиратель» не являлся простым рукописным дидактическим пособием. Жуковский решил напечатать его, стремясь, во-первых, придать сборнику максимально официальный характер и, во-вторых, подчеркнуть значимость вошедших в него текстов в глазах наследника и двора. Согласно Н. П. Смирнову-Сокольскому [Смирнов-Сокольский 1977: 424–428], было отпечатано по крайней мере 10–15 экземпляров «Собирателя». Если в первом выпуске сборника ученики читали стихи из «Илиады», Оссиана, Гете и Шиллера, то во втором фрагмент из «Полтавы» (самый обширный поэтический текст «Собирателя») оказался в окружении прозаических отрывков, переведенных Жуковским: сюда вошли фрагменты из «Естественной истории» Бюффона и «мысли заимствованные из древних и новых классиков» (в частности, из «Заговора Катилины» Саллюстия и «Истории» Фукидида).

Как известно, по выходе в свет в конце марта 1829 г. пушкинская поэма не имела ожидавшегося успеха у публики. К концу десятилетия прежде доброжелательная критика все чаще начинает нападать, временами весьма тенденциозно, на творения поэта [Ларионова 2001: 11–12]. Пушкин был уязвлен неудачей «Полтавы», которой он приписывал особую важность:

Самая зрелая из всех моих стихотворных повестей, та, в которой все почти оригинально (а мы из этого только и бьемся, хоть это еще и не главное), — «Полтава», которую Жуковский, Гнедич, Дельвиг, Вяземский предпочитают всему, что я до сих пор ни написал, «Полтава» не имела успеха [Пушкин 1977–1979: VII, 483].

Таким образом, включение Жуковским в антологию большого фрагмента из новой поэмы Пушкина рядом с творениями признанных авторов означало *ipso facto*, по крайней мере в глазах придворной публики, что «Полтава» — это классика европейской литературы. Чтение текста с наследником престола и публикация в «Собирателе» являлись красноречивым жестом:

это был первый ответный удар, реакция на фронтальные атаки петербургских (Греч и Булгарин) и московских (Надеждин) журналистов в рамках их кампании против «литературных аристократов». Речь шла о попытке отвоёвывать территорию при дворе, потерянную в глазах русской публики. Неслучайно сестра наследника Ольга Николаевна в своих воспоминаниях в числе пушкинских текстов, которые они изучали, указывает именно стихи из «Полтавы», не считая «Бахчисарайского фонтана» и «Бориса Годунова»³¹.

3. На втором этапе обучения, с 1830 по 1832 г., когда наследнику было соответственно 12–14 лет, ученики продолжили практиковаться в русском языке: они писали сочинения и устно повторяли уроки по русской истории и географии. Кроме того, Плетнев решил более систематично изучать предмет, который сам он называл «наукой о языке». В декабре 1832 г. он писал находившемуся в Европе Жуковскому:

Начну с главного: занятия с Великим Князем идут у меня против прежнего гораздо лучше; но это относится к практической части языка (что впрочем для него и самое необходимое). Он теперь пишет, соблюдая связь мыслей, заботясь о точности выражения, округляя фразы, и очень мало делает ошибок орфографических. В его рассказах уже есть некоторая свобода и приятность [Плетнев 1885: III, 520].

Однако наставник далее добавлял: «Что касается до теории языка, он все еще небольшой до нее охотник». Наряду с изучением теории русской грамматики (два часа в неделю, посвященные грамматическому и логическому анализу), определенное место также отводилось практике перевода с иностранных языков на русский (два часа в неделю) [Годы учения 1881: 47]. Наследник осваивал русскую грамматику и синтаксис с помощью грамматик Востокова и Греча. Кроме того, Александр Николаевич анализировал различные повествовательные формы прозы («об описаниях, о повествованиях, о рассуждениях»)³², затем предполагалось «чтение русских писателей с разбором их»³³. Дневник Мердера и записи наследника по этому курсу помогают уяснить, каким образом изучались литературные произведения. Так, в мае 1830 г. Мердер отметил, как чтение од Ломоносова и Державина позволяет иллюстрировать отдельные аспекты русской географии:

³¹ Ольга Николаевна писала: «Мы заучивали его стихи из “Полтавы”, “Бахчисарайского фонтана” и “Бориса Годунова”» [Николай I 2000: 225]. Кроме того, брат наследника Константин Николаевич в 1841 г. снабдил «Полтаву» иллюстрацией (см.: [Сидорова 2019: 180]).

³² «Оглавление правил словесности» // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1484. Ч. 3. Л. 1–5. См. также: [Плетнев 1885: III, 520].

³³ Ср.: «Порядок занятий во втором периоде» // ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 1 об.; см. также: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1484. Ч. 3. Л. 6–9.

Во время урока г. Плетнева сначала читали наизусть из оды Ломоносова те строфы, в которых изображается обширность и сила России, а потом занимались составлением предложений по изложенным правилам [Мердер 1885: 492].

В последующие дни ученики читали Державина: «рассказывали наизусть те строфы из “Водопада” Державина, где описывается северная природа». Мердер далее замечал: «После того следовали замечания об языке и характере сочинений, выученных ими» [Там же: 495].

В целом, на этом этапе изучение литературных текстов в первую очередь играло вспомогательную роль в контексте других предметов, таких как русская грамматика, география или история. Лишь затем литературные сочинения становились предметом более пристального стилистического анализа. Иногда стихотворения на русском языке использовались как базовые тексты для упражнений по теоретическим вопросам грамматики и лингвистики, поднимавшимся на занятиях Плетнева. Русский синтаксис, например, изучался в первую очередь на основе грамматик Востокова и Греча, а затем на поэтических примерах³⁴. Скажем, среди записей в тетради Александра Николаевича мы находим переписанные им тексты стихотворения Державина «Властителям и судиям» и «Песни о вещем Олеге» Пушкина³⁵: наследник должен был провести грамматический и логический разбор этих произведений, ответив на вопросы: «какое имя? (нарицательное, собственное или собирательное); какого рода?» и т. д.³⁶ В данном случае задача чтения — сделать так, чтобы наследник усвоил творения Пушкина прежде всего на грамматическом и синтаксическом уровне. Внимание направлено главным образом на языковой уровень литературного текста, а не на другие его функции. И все же повышенное внимание к коду, а не к содержанию сообщения, вынуждает наследника более тщательно оценить референтную функцию текста в ущерб, например, поэтической³⁷. Грамматический и логический анализ «Песни о вещем Олеге» побуждает великого князя к размышлению над особенностями лексического выбора и синтаксической организации пушкинской поэзии, оставив в стороне ее фоническую, ритмическую и строфическую структуры. В то же время на этом этапе обучения учителя могли читать и сочинения в прозе, используя их для выявления поэтической функции текста. Например, в конце 1832 г. «История государства

³⁴ План Плетнева см.: ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 5, 9.

³⁵ Оглавление правил словесности: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1484. Ч. 3. Л. 6–9.

³⁶ Там же. Л. 9–12.

³⁷ В терминах Остина, этот тип чтения позволял в большей степени совершить фатическое и речитическое, а не фонетическое действие локутивного акта: [Остин 1999: 85].

Российского» Карамзина представлялась ученикам не только как образец прозаического повествования в возвышенном стиле, но использовалась и для развития их способности к декламации, благодаря чему явственнее проступала фоническая и ритмическая ткань карамзинской прозы³⁸.

На этом этапе обучения место, отведенное изучению русской поэзии, все еще оставалось ограниченным, аналогичным знакомству с английским, немецким или французским стихосложением³⁹. Для сравнения, наследник и его товарищи упражнялись по крайней мере два часа в неделю в разучивании наизусть английских и немецких стихов, еще два часа в неделю — в переводе текстов с французского на английский и немецкий [Годы учения 1881: 47]. Однако даже в случае английской и немецкой поэзии целью работы со стихотворными текстами, как кажется, выступало усвоение языка, а не стилистические особенности манеры отдельного автора. В это время лишь немного места отводилось даже изучению французской литературы. Учитель французского языка Флориан Жиль использовал французские тексты в качестве дополнения к лекциям по всеобщей истории, читавшиеся по-французски Липманом, в том, что касалось истории Античности и Средних веков. Например, с помощью пьес Расина он описывал своим ученикам некоторых героев классического мира, о которых шла речь на занятиях по древней истории у Липмана; таким же образом он воспользовался трагедиями Шекспира «Генрих IV», «Генрих V» и «Ричард III» во французском переводе Франсуа Гизо, дабы углубить знания своих подопечных о войне Алой и Белой Розы⁴⁰.

4. С августа 1832 г. Плетнев и его ученики приступили к изучению правил русского стихосложения, в качестве примеров используя целый набор поэтических текстов⁴¹. Один вечерний час в неделю отводился работе над поэтической декламацией на русском языке. Плетнев в своих записках подчеркивает, что выбор вечернего времени был призван сделать чтения еще более значимыми: «Часто избираемы были особенные часы в свободные вечера, что придавало чтению не только высшую занимательность, но и некоторую необходимую важность»⁴². Например, в декабре 1832 г. Александр Николаевич решил прочитать своим товарищам «Певца во стане русских воинов»

³⁸ ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 10.

³⁹ Там же. См. также: [Годы учения 1881: 47].

⁴⁰ Письмо Жилия Жуковскому от 17 января 1833 г.: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1513. Л. 8, 11.

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 10.

⁴² См.: «Воспоминания П. А. Плетнева о воспитании Цесаревича Александра Николаевича под руководством Мердера и Жуковского» // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2527 Л. 19.

Жуковского. Виельгорский писал своему наставнику: «По пятницам вечером у нас завелось русское чтение. По очереди каждый из нас готовится читать вслух. Вчера Александр Николаевич нам прочел вашу прелестную пьесу “Певец во стане русских воинов”» [Лямина, Самовер 1999: 120–121]. Как сообщал Плетнев в письме к Жуковскому: «В декламации (на что употребляется один из их свободных вечером часов) Великий князь также приметно успевает: ему только вредит неровность голоса, который от росту как то двоится» [Плетнев 1885: III, 520].

Вероятно, именно к этому этапу обучения относится документ, характеризующий тот тип поэтических текстов, с которыми начал знакомиться наследник⁴³. Рукопись, озаглавленная «Выученные на изусть стихи», не датирована, однако можно предположить, что она составлена между 1832 и 1834 гг., когда наследнику было, соответственно, 14 и 16 лет⁴⁴. Здесь мы видим, какие стихотворные фрагменты выбрали учителя, Плетнев или Жуковский (по отдельности или вместе) для устного заучивания. В списке приведена и исчислена в хронологическом порядке целая череда авторов и поэтических сочинений, которые наследник заучивал наизусть. Весьма вероятно, что речь шла лишь о фрагментах текстов, поскольку в ряде случаев указано несколько отрывков из одного и того же произведения. При этом в реестре почти никогда точно не говорится, какой именно фрагмент был выучен. Всего упомянуты 38 поэтических отрывков, по порядку документа: семь из Ломоносова (шесть из од и один фрагмент из поэмы «Петр Великий»); один из творений М. Н. Муравьева (из оды «Храм Марсов»); два из оды Петрова («Его Сиятельству Графу Григорью Григорьевичу Орлову генваря 25 дня 1771»); девять из Державина (пять из стихотворения «Вельможа» и, соответственно, по одному из «Водопада», «Приглашения к обеду», «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского» и «Первого соседа»); пять из Батюшкова (из стихотворений «К другу», «Надежда», «Переход через Рейн», «Омир и Гезиод», «Песнь Гаральда Смелого»); шесть из Жуковского (из стихотворений «Сельское кладбище», «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение

⁴³ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1484. Ч. 3. Л. 13, б. у. д. Копия документа находится в части 1 той же единицы хранения.

⁴⁴ Предлагаемая здесь датировка основана на том, что документ вложен в учебную тетрадь наследника «Оглавление правил словесности», отложившуюся с другими педагогическими материалами, которые датируются 1832 и 1834 гг. См.: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1484. Часть 3. Кроме того, заучивание наизусть целого ряда стихотворений и изучение правил версификации впервые вводилось в «Обозрении учения от начала августа 1832 года до конца июня 1833 года»: ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 10.

в. кн. Александра Николаевича», «Певец во стане русских воинов», сцена из «Орлеанской девы», фрагмент из «Ивиковых журавлей» и «Подробного отчета о луне»); и, наконец, два отрывка из Пушкина («Из Корана» и «Песни о вещем Олеге»). Рядом с некоторыми текстами присутствует указание «прочитал на экзам.», т. е. текст был прочитан (или был намечен для чтения) во время одного из двух ежегодных экзаменов по курсу. По свидетельству Плетнева, особенно в первые годы обучения экзамен служил не только «официальным» способом проверить знания наследника, но и поводом, по которому члены императорской семьи (Мария Федоровна, Николай I, Александра Федоровна) и их друзья свободно вступали в разговор с учителями. Иногда на экзамене присутствовали А. Н. Голицын, М. М. Сперанский и даже И. Ф. Крузенштерн⁴⁵. В семейной вовлеченности, по мнению Плетнева, было нечто трогательное: «Экзамен Великого князя походил на семейные, свободные беседы»⁴⁶. С течением времени и увеличением сложности материала ситуация потеряла в глазах учеников значение свободной, веселой и семейной встречи. Присутствие царя, как кажется, воспринималась по большей части как разновидность контроля, подразумевавшего строгое суждение. Например, в сентябре 1833 г. Виельгорский писал Жуковскому: «У нас скоро будет экзамен при Государе; так было угодно Его Величеству» [Лямина, Самовер 1999: 126].

Если говорить о приведенном выше списке текстов, то в тот год учителя выбрали для чтения на экзамене фрагмент «Вельможи» Державина (две строфы, начинающиеся со слов «Блажен народ») и отрывок из «Певца во стане русских воинов» Жуковского. Кроме того, сначала они решили дать прочесть наследнику еще и часть стихотворения Батюшкова «Надежда», однако в какой-то момент один из наставников отказался от этой идеи (перечеркнув название текста в списке) и предпочел «Надежде» фрагмент из «Песни Гаральда Смелого» того же автора. Учитывая открытый характер экзамена, декламирование этих стихов обрело значимость не только с точки зрения педагогики, но и в идеологической перспективе — об этом свидетельствует особенный выбор строфы из державинского «Вельможи» («Блажен народ»⁴⁷).

Как и почему Жуковский и/или Плетнев выбирали для заучивания именно этих авторов и именно эти стихотворения? Как можно интерпретировать их решение включить в список два сочинения Пушкина? С одной стороны,

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Часть 2. Ед. хр. 2527. Л. 17.

⁴⁶ Там же. Л. 18 об.

⁴⁷ О какой из двух строф, начинающихся с этого стиха, идет речь, мы не знаем.

выбор произведений отражает стремление прочертить эволюционную линию в истории современной русской поэзии — от Ломоносова до Пушкина, которая при этом свидетельствовала бы и о максимальном разнообразии поэтических форм. Мы видим здесь разные виды од, эпические поэмы, басни, баллады, несколько стихотворений в элегическом жанре. С другой стороны, с тематической точки зрения в выборе текстов можно усмотреть духовно-патриотическое направление, столь хорошо соответствовавшее роли ученика, семейной поэтической мифологии и контексту, в котором могли прочитываться эти стихи. Предпочтение многих произведений, как кажется, не соотносилось ни с поэтическим каноном, зафиксированным Жуковским в начале 1810-х гг. в «Собрании русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских» (1810–1812), ни с недавней версией канона из «Письма к графине Соллогуб о русских поэтах» Плетнева (1825), ни с поэтической иерархией, построенной в первых, самых известных учебных стихотворных хрестоматиях [Сенькина 2013: 50–52]. Скорее выбор оказался продиктован особым поэтическим каноном, построенным исходя из адресата, связанным с судьбой императорской фамилии и ориентированным на патриотические сюжеты. Подобная тенденция четко просматривается даже в случае сочинений такого автора, как Батюшков. Из творений Ломоносова Жуковский и Плетнев выбрали главным образом оды, посвященные восхождению на престол Елизаветы Петровны и Екатерины II. Многие произведения появились в списке благодаря тому, что имели отношение к роли, предназначенной наследнику в будущем. И тем не менее предпочтение некоторых авторов и текстов объяснить все равно непросто (например, наличие стихотворений Гнедича и Капниста).

О том, какие именно фрагменты заучивались наизусть, можно сделать определенные предположения исходя из изданий, из которых учителя могли заимствовать тексты. Некоторые отрывки, вероятно, оказались почерпнуты из «Учебной книги российской словесности», изданной Гречем (1819–1822), или из «Российской хрестоматии, или отборных сочинений отечественных писателей в прозе и в стихах» (1833–1834) И. Пеннинского, двух книг, к которым часто обращались наставники в процессе обучения наследника⁴⁸. Однако, разумеется, под рукой у Плетнева и Жуковского могло быть

⁴⁸ Например, мы находим «Учебную книгу российской словесности», изданную Гречем, в числе книг, которые Александр Николаевич взял с собой в летнюю резиденцию из своей библиотеки в мае 1835 г. (см.: Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 2. Оп. XIV ж. Ед. хр. 21 (Bibliothèque de S.A.I. Monseigneur le Grand Duc Héritier. Livre de notes. Sortie et rentrée des ouvrages prêtées).

много других источников и изданий. Мы не будем подробно комментировать весь реестр целиком. Нам важно понять, почему Жуковский и Плетнев выбрали для наследника именно «Песнь о вещем Олеге» и «Подражания Корану».

На первый взгляд, наличие в списке «Песни о вещем Олеге» кажется естественным с точки зрения школьного канона той эпохи. Пушкинский текст регулярно включался в первые поэтические антологии В. А. Золотова (1829), В. Эртеля (1833), Пеннинского (1834) [Вдовин, Лейбов 2014: 250–251, 255]. Хотя при появлении этого стихотворения оно немногими было оценено по достоинству, Плетнев, защищая его от критических нападок, утверждал, что текст отличается исторической и поэтической точностью, представляет собой одно из немногих русских образцовых стихотворений, которые «можно назвать национальными». Пушкинские стихи, писал Плетнев, «сделаются священными для современников и потомков»⁴⁹. Некоторые современные исследователи видят в противопоставлении кудесника Олегу аллюзию на биографические отношения Пушкина с Александром Г⁵⁰. Даже если Плетнев и Жуковский чувствовали в «Песне» «александровский» подтекст, то, учитывая придворный контекст чтения, следует предположить, что учителя остановились на этих стихах прежде всего из-за их исторического характера, вызывавшего в памяти атмосферу и дух Киевской Руси⁵¹. Одно сомнение возникает в связи с соседством «Песни о вещем Олеге» и «Подражаний Корану», при том, что в списке второй текст предшествовал первому. Исследователи неоднократно подчеркивали, что в «Песни о вещем Олеге» Пушкин возвращался к балладной лирике Жуковского, подхватывая и продолжая линию, ведущую от «Песни араба над могилою

Л. 80). Экземпляр книги Греча, принадлежавший Александру Николаевичу, ныне хранится в Публичной библиотеке Нью-Йорка (мы горячо благодарим Сьюзан Смит-Питер за эти сведения). В этом экземпляре отдельные строфы выделены графически, однако нам неизвестно, совпадают ли знаки со списком, о котором мы сейчас говорим. Помимо «Учебной книги» Греча, Плетнев в поисках текстов для чтения с наследником обращается к «Российской хрестоматии, или отборным сочинениям отечественных писателей в прозе и в стихах» (СПб., 1833–1834), см.: РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 42.

⁴⁹ Соревнователь. 1825. Ч. 29. № 1. С. 106–107. См. также: [Томашевский 1956: 548].

⁵⁰ Например, О. А. Проскурин отмечает: «стихотворение оказывается первым опытом имплицитации в “исторический” материал размышлений Пушкина над коллизией поэт — монарх и, в частности, над коллизиями его персональных отношений с Александром» [Проскурин 1999: 107]. Другого мнения придерживался Б. В. Томашевский, утверждавший, что «в данной балладе нет переключки с современностью» [Томашевский 1956: 545].

⁵¹ Как писал Томашевский, «“Песнь о вещем Олеге” имеет целью показать историческую картину, соблюдая в точности данные исторических свидетельств и предания» [Томашевский 1956: 545].

коня» к «Графу Гапсбургскому» [Keil 1978: 247–248; Проскурин 1999: 103–106; Веницкий 2006: 126–128; Немзер 2013: 240–256].

В то же время пушкинское стихотворение с формальной точки зрения тесно связано с историческими элегиями Батюшкова «Гезиод и Омир соперники» и «Песнь Гаральда Смелого» [Проскурин 1999: 106]. Неслучайно в списке, составленном Плетневым и/или Жуковским, две элегии Батюшкова помещены непосредственно перед пушкинскими текстами. Тогда уместно спросить: если руководящим принципом при выборе стихов выступало лишь их жанровое разнообразие, то почему Плетнев и Жуковский включили в реестр поэтические опыты Пушкина, которые с формальной точки зрения столь близки к текстам Батюшкова? Как истолковать то обстоятельство, что в списке «Песнь о вещем Олеге» (1822) располагалась вслед за фрагментом «Подражаний Корану» (1824)? Как известно, критики и исследователи, разделились на два лагеря — одни видят в «Подражаниях Корану» прежде всего проекцию особенного душевного состояния поэта, жившего тогда в ссылке в Михайловском; другие, напротив, подчеркивают, что Пушкин следовал за своими историко-культурными увлечениями, желая воссоздать дух и атмосферу священного текста мусульман. В этом случае, кажется, определяющими становятся тип читателя и контекст, в котором происходит чтение пушкинского стихотворения: в особой обстановке двора автобиографический план текста и его экспрессивная функция решительно маргинальны в сравнении с его историко-культурным смыслом. Обращение наследника к «Подражаниям Корану» следует рассматривать внутри целого ряда исторических текстов, посвященных мусульманскому/арабскому миру, с которыми Жуковский знакомил ученика в период с 1831 по 1833 г. Речь идет о «Разговоре Магометова праотца с неприятельским военачальником», «Изображении аравитян. Из Фирдузи», «Голодном аравитянце», “Les Arabes” и других сочинениях, отредактированных Александром Николаевичем и помещенных Жуковским в первые три номера «Муравейника» за 1831 г. [Жуковский 2016: 263, 280, 294]. Кроме того, чтение отрывка из «Подражаний Корану» кажется тесно связанным с серией фрагментов из Корана или о Коране, которые Жуковский или Плетнев задавали наследнику читать и переводить с французского языка в 1833 г.: «Из Алькораны»,

«Молитва», «Понятие о единобожии», «Нравоучение из Корана», «Источники Корана», «Омовение», «Странствование», «Посты и подаяние» и т. д.⁵²

Таким же образом выбор «Песни Гаральда Смелого» Батюшкова, которую Жуковский и/или Плетнев читали наследнику, следует рассматривать в контексте сочинений, с которыми знакомился Александр, — таких как «Надгробная песнь Регнера Лодброга» и ее поэтическая версия, опубликованные в последних двух номерах «Муравейника», или как отрывки, переведенные наследником из «Древних исландских поэтов» в 1833 г.⁵³ На данном этапе обучения историческая тематика стихотворений служит наиболее значимым критерием их отбора. Эти тексты рассматривались как своего рода поэтическая интерпретация сюжетов, взятых из эпохи Средневековья, о которых речь шла в курсах по истории. В то же самое время ученики занимались изучением Средних веков и в рамках курса по всеобщей истории Липмана. Так, Липман знакомил их с эпохой Карла Великого благодаря самым современным на тот момент учебникам (например, «Précis de l'histoire du moyen âge» К. О. де Мишеля 1827 г.), а Жиль тогда же с помощью недавно созданных поэтических текстов толковал события, описываемые в «Песне о Роланде» (например, романтическая поэма «Le cor» Альфреда де Виньи 1825 г.)⁵⁴.

Таким образом, два пушкинских сочинения позволяли наследнику усвоить перспективу и мировоззрение мусульман IX в. и богатырей Киевской Руси X в. через форму поэтического высказывания [Гуковский 1995: 292–297]. Коротко говоря, выбор текстов представлял, с одной стороны, Пушкина-«всемирного» «европейца» в изображении Жуковского, с другой — «национального» Пушкина в изображении Плетнева. Во время чтений

⁵² ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1484. Часть 3. Л. 14–14 об. («Переводы»). Тематическая связь между «Подражаниями Корану» и этими переводами усиливается соседством документов в архиве. Список переводов (Л. 14–14 об.) следует в архивном деле сразу за реестром «Выученных наизусть стихов» (Л. 13).

⁵³ Там же. Л. 14–14 об.

⁵⁴ О чтении «Précis de l'histoire du moyen âge» де Мишеля см.: [Годы учения 1881: 46]. О других читавшихся текстах см.: «Задачи и темы преподавателя Жили на письменные сочинения по французской словесности, составленный для наследника Александра Николаевича (1831–1832)» // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1647. Л. 42–42 об. В то же самое время Жуковский, возможно, вдохновляясь в том числе и занятиями с Александром Николаевичем, обращается к истории Карла Великого и переводит балладу Людвиг Уланд «König Karls Meerfahrt» («Плавание Карла Великого»). Не исключено, что сюжет баллады мог служить образцом политического поведения не столько для Николая I [Виницкий 2006: 193], сколько для Александра Николаевича, т. е. баллада могла использоваться таким же образом, как «Песнь о вещем Олеге» и «Песнь Гаральда Смелого».

наследник и его учителя, как представляется, в первую очередь обращали внимание на референтную функцию пушкинских стихотворений; поэтическая функция при этом по большому счету отходила на второй план, хотя и подчеркивалась благодаря заучиванию стихов наизусть; кроме того, в тени оставалась экспрессивная функция текста, связанная с выражением личных переживаний говорящего (пушкинского повествователя и, одновременно, самого читателя). Впрочем, данный тип чтения акцентировал еще одну функцию текста, которую Якобсон называет «конативной», — она стремится выделить специальную направленность сообщения на адресата (именно это, по мнению Остина, составляет «иллокутивный акт»). Разумеется, два пушкинских текста в жанровом, повествовательном и интонационном отношении отличались друг от друга, несколько различалась и их доминирующая функция. В «Подражаниях Корану», имитации священного текста мусульман, как показывает глагольная форма императива и частое использование второго лица единственного числа, конативная функция решительно преобладает: «Мужайся ж, презирай обман, / Стезею правды бодро следуй, / Люби сирот, и мой Коран / Дрожащей твари проповедуй»⁵⁵. И все же, несмотря на очевидные стилистические и нарративные различия, оба текста в особенном дидактическом контексте чтения звучат как призыв обратить внимание на профетическое слово поэта. В обоих сочинениях, выбранных Плетневым и/или Жуковским, имплицитно заложен особый призыв к власти имущим, побуждающий их слышать поэтико-пророческое слово (кудесника и Магомета)⁵⁶.

Таким образом, чтение двух стихотворений в контексте учебного курса наследника подчеркивало референтную функцию пушкинских текстов, т. е. служило знакомству ученика с разными аспектами двух непохожих друг на друга цивилизаций средневекового мира IX–X вв., арабо-мусульманской и киево-византийской; в то же время, с точки зрения Жуковского и Плетнева, чтение вслух заставляло будущего монарха прислушиваться к профетическому слову поэта. Такой эффект достигался благодаря клятве («Клянусь четой и нечетой / Клянусь мечом и правой битвой...») и пророчеству («Из темного леса навстречу ему / Идет вдохновенный кудесник, / Покорный

⁵⁵ Как замечает Якобсон, «ориентация на адресата — конативная функция — находит свое чисто грамматическое выражение в звательной форме и повелительном наклонении» [Якобсон 1975: 200].

⁵⁶ Как отмечает Олег Проскурин, «Смерть Олега представлена не просто как исполнение пророчества, как торжество неумолимого рока, но и как торжество проицателя» [Проскурин 1999: 107].

Перуну старик одному, / Заветов грядущего вестник / <...> Волхвы не бо-
ятся могучих владык, / А княжеский дар им не нужен; / Правдив и свободен
их вещей язык / И с волей небесною дружен») [Пушкин 1977–1979: II, 188,
100]. То, что читателем этих текстов являлся наследник престола, само по
себе усиливало их конативную функцию. В глазах наставников будущая по-
литическая роль этого читателя естественным образом затемняла поэтиче-
скую функцию текста и в перспективе его грядущей деятельности превра-
щала каждое читаемое произведение в поучение или призыв.

Предлагая наследнику тексты, в особенности содержащие обращения
к его будущей политической роли, наставники навязывали ему позицию,
в рамках которой сфера лирической субъективности отходила на второй
план, а политическая составляющая, наоборот, подчеркивалась. Возможно,
в свете сказанного становится более понятно предпочтение в качестве экза-
менационного чтения «Песни Гаральда Смелого» Батюшкова его же
«Надежде». В глазах наставников и в еще большей степени по мнению царя,
читательская субъективность должна уступить место идентичности, кото-
рой постепенно надлежало обретать все более сверхличную форму. Напри-
мер, император не уставал повторять сыну: «... ты должен помнить, что тебя
Бог поставил так высоко, что ты не себе принадлежишь, а своей роди-
не» [Переписка цесаревича 2008: 93]. Таким же образом Жуковский по-
буждал своего ученика отказаться от любых проявлений личных желаний
и устремлений в свете великой миссии, которая его ожидала:

Вы, великий князь, по тому месту, на которое назначил вас Бог, будете со време-
нем замечены в истории: от этого ничто избавить вас не может; она скажет об
вас свое мнение перед целым светом и на все времена, мнение, которое будет
жить в ней и тогда, когда вас и нас не будет, —

писал Жуковский наследнику [Жуковский 2016: XI, 124]. С учетом сказан-
ного каждый текст должен был выбираться, редактироваться и интерпрети-
роваться исключительно с точки зрения функций, релевантных для будущей
деятельности высокопоставленного ученика. Здесь мнение Жуковского
полностью совпадало с позицией Николая, как о том сам поэт напоминал
царю в одном из писем 1832 г.: «Вот что благоволили Вы сказать мне в раз-
говоре о великом князе: боюсь, чтобы он не начал слишком много думать
о себе; <...> я эти золотые слова непременно повторю Вашему сыну» [Гил-
ельсон 1965: 122].

5. Весной 1838 г., прежде чем расстаться с наследником после девяти лет
совместных занятий, Плетнев отправил ему прощальное письмо. В нем, под-
водя итог тому, чем они вместе занимались, он настойчиво подчеркивал

связь между изучением русского языка и литературы и будущей политической деятельностью своего ученика: «15 ноября 1829 г. я призван был для преподавания науки языка отечественного и литературы. В сердце моем я пронес убеждение, что это занятие и будущая деятельность Ваша тесно связаны»⁵⁷. Плетнев напоминал наследнику, что знакомство с литературными сочинениями служило ему ключом к пониманию всех чувств его народа: «Литература есть вернейшая картина духовной жизни народа», в ней отражаются «все тайны жизни народа»⁵⁸. Плетнев не только стремился в романтическом духе отождествить язык и нацию: «язык, в некотором смысле, есть самый народ», как он писал великому князю⁵⁹. Более того, он считал, что совершенное знание наследником русского языка и литературы есть одно из лучших «орудий» воздействия государя на его подданных, способное завоевать их «сердце и разум»⁶⁰. Таким образом, изучение языка «в том виде, до какого довели его наконец лучшие писатели»⁶¹, оказывалось жизненно необходимым.

По этой причине с апреля 1833 по май 1837 г. Плетнев вел с наследником систематические занятия по русской словесности в рамках курса, который сам наставник определил как «критическая история литературы»⁶². Лингвистическая и литературная концепция Плетнева подразумевала непосредственно романтико-националистический взгляд на язык и словесность, коренившийся в философской мысли немецких романтиков: «Мысль и язык в нас нераздельны, и невозможно представить их совершенств порознь», — писал он ученику⁶³. И Плетнев, и Жуковский разделяли мнение о том, что мысль идентична языку, однако точка зрения Плетнева на культуру была значительно более националистической. Именно в этот период он начал разрабатывать понятие народности в литературе — как на университетской кафедре, так и на страницах журналов: «В числе главных принадлежностей,

⁵⁷ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1 об.–2.

⁵⁸ Там же. Л. 2–2 об.

⁵⁹ Там же. Л. 6 об.

⁶⁰ Там же. Л. 2 об.

⁶¹ Там же. Л. 4.

⁶² Некоторые из подготовительных материалов Плетнева сохранились в: РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 5. См. также синоптические таблицы, опубликованные в издании: [Годы учения 1881: 197–266]. Записи наследника, начиная с конспектов по курсу Плетнева, см.: ГАРФ. Ф. 678. Ед. хр. 233 (Записки лекции П. А. Плетнева по истории русской литературы, сделанные в. к. Александром Николаевичем. Черновик с исправлениями преподавателя). Письменные задания наследника см.: ГАРФ. Ф. 678. Ед. хр. 232.

⁶³ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 5.

которых современники наши требуют от произведений словесности, господствует идея народности», — писал он в статье, открывавшей «Журнал министерства народного просвещения»⁶⁴. Далее он уточнял: «<...> истинная, действительная история народа есть его литература, вся, исследованная во всех ее эпохах»⁶⁵. Как следствие, обучение наследника начиналось с первых литературных памятников киевского периода и заканчивалось современной русской словесностью. Материалы и подготовительные таблицы, созданные Плетневым, а также записи и выполненные задания августейшего ученика указывают на масштабность литературной концепции его наставника⁶⁶. Она включала знакомство с эволюцией как русского литературного языка, так и литературных жанров. Кроме того, особенное внимание уделялось культурным институтам, способствовавшим развитию образования и словесности в разные исторические эпохи. Неслучайно Плетнев иногда говорил об этом курсе как об «Истории образованности, просвещения и литературы в России»⁶⁷.

В своих записях Александр Николаевич подчеркивал, как периодизация истории русской литературы могла меняться в зависимости от того, какие факторы принимались во внимание: а) эволюция языка; б) внешние литературные влияния и культурные связи с другими странами; в) тематика и уровень формального мастерства⁶⁸. Отталкиваясь от последнего критерия, учитель разделил историю литературы на пять периодов. Четвертый период совпадал с отрезком времени от царствования Петра до конца XVIII в., т. е. эпохой уникального умножения литературных сюжетов, в которой почти все науки получили свое развитие и на русском языке. На этом этапе, отличавшемся, по мнению учителя, общей тенденцией к имитации европейских образцов, большое внимание уделялось изучению наследником как литературных, так и иных жанров: проповедей, путешествий, богословских и исторических произведений, народных песен и сочинений изящной словесности⁶⁹. Плетнев анализировал отдельные поэтические жанры, такие как басня, в диахронной и синхронной перспективе, сравнивая между собой творения Сумарокова, Хемницера, Хвостова, Дмитриева, Крылова и Измайлова⁷⁰.

⁶⁴ Плетнев П. А. О народности в литературе (1833) [Плетнев 1885: I, 218].

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ См., например, «Хронологический список русских сочинителей и биографические замечания о их произведениях»: [Годы учения 1881: 197–266]; ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 2–12 об.; ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 233.

⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 125а. Л. 13–20.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 233. Л. 5.

⁶⁹ Там же. Л. 7.

⁷⁰ См. также: РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 45 об.–46 об.

Одни и те же басенные сюжеты (например, «Ворона и лисица», «Дуб и трость», «Два голубя») интерпретировались через сопоставление их различных версий, принадлежавших Сумарокову, Хвостову, Дмитриеву, Крылову⁷¹. При этом типе чтения когнитивная функция очевидным образом отступала на второй план в сравнении с функцией поэтической.

Среди заданий наследника мы находим темы, посвященные духовным писателям, таким как митрополит Новгородский Димитрий (Сеченов) или епископ Псковский Гедеон (Криновский), где внимание сконцентрировано на действенности риторических средств; впрочем, мы также обнаруживаем задания, связанные с «Деятельностью правительства для распространения образования в России при Екатерине II», подчеркивавшие то влияние, которое монарх способен оказать на культурное и литературное развитие народа; кроме того, мы видим и анализ отдельных од Державина (например, «На возвращение графа Зубова из Персии») ⁷². В целом среди авторов XVIII в. Державин, как кажется, в наибольшей степени привлек внимание наследника, которое наставник справедливо обращал на особенный фонический и ритмический узор державинских творений. Как писал Плетнев в прощальном письме, «Ваше высочество с восхищением изучали того, кто весь превратился в звучащий памятник славного этого века»⁷³. По словам Ивана Тургенева, Плетнев «... как профессор русской литературы <...> искренно любил “свой предмет”, обладал несколько робким, но чистым и тонким вкусом и говорил просто, ясно, не без теплоты. Главное: он умел сообщать слушателям те симпатии, которыми сам был исполнен, — умел заинтересовать их» [Тургенев 1983: 17].

Согласно периодизации, разработанной Плетневым, с первыми годами XIX столетия начинается последний этап литературного развития в России: «Пятый период заключает теперешнее столетие, коего отличительный характер есть тот, что всем сочинениям стараются дать народность», — записывал наследник в своих конспектах по курсу⁷⁴. Именно в это время, как объяснял учитель, численно растет публика, и словесность на русском языке становится интеллектуальной необходимостью широкого круга читателей: «С этой эпохи литература не была уж исключительным уделом нескольких лиц, но потребность целых классов», — писал Плетнев наследнику⁷⁵. Он особенно подчеркивал роль Карамзина как создателя новой русской

⁷¹ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 45 об.—46 об.

⁷² ГАРФ. Ф. 678. Ед. хр. 232. Л. 2, 8 об., 40.

⁷³ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 8 об.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 678. Ед. хр. 233. Л. 6.

⁷⁵ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 8 об.

литературы. Александр Николаевич отмечал в своих записях, что, начиная с Карамзина и, в частности, с его «Истории государства Российского» совершается «преобразование в духе нашей литературы»⁷⁶. В конспектах по курсу наследник писал, что «в этом направлении явился уже прекрасный образец: История Государства Российского. Она облегчила способы успехов и в других родах словесности», — несомненно имея в виду развитие отечественной прозы в последующие десятилетия⁷⁷.

Если Карамзина Плетнев изображал основателем нового этапа в истории словесности, для которого характерно большее чувство «народности» в литературе, то Пушкин становится в его рассуждениях фигурой, этот период замыкающей. Так, анализ пушкинских творений завершает собой пятую фазу развития русской словесности, которой Александр Николаевич занимался с января 1836 г. по май 1837 г., прежде чем отправиться в длительное путешествие по России.

К сожалению, у нас не сохранилось подробных записей наследника о курсе Плетнева, и основным источником наших сведений служит дневник Александра Николаевича⁷⁸. Разумеется, здесь мы не находим никаких упоминаний об интерпретации обсуждаемых на занятиях сочинений или точных характеристик их стиля, но лишь краткие заметки о рассмотренных авторах. В дневнике Александр Николаевич аккуратно писал о прослушанных им лекциях, лишь в отдельных случаях указывая их тему. Кроме того, он почти никогда не выносил суждений (исключением являются здесь, например, лекции по праву и финансам, которые читал наследнику Сперанский). Что же до занятий с Плетневым, то ученик, как правило, фиксировал лишь имена рассмотренных ими сочинителей. Впрочем, как источник дневник дает нам представление о предметах и текстах для чтения, которые наследник обсуждал в то же самое время с Жуковским и другими учителями.

В августе 1835 г. великий князь занимался с Жуковским анализом главных риторических фигур, а в конце месяца продолжил слушать курс Плетнева, разбирая с ним «Душеньку» Богдановича⁷⁹. В первые дни сентября начинаются чтения и подробные разборы творений Державина, которые продолжатся в течение довольно длительного времени — до 10 января 1836 г. Затем наступил черед произведений Дмитриева (17 января) и Муравьева (24 января). В конце января 1836 г. наследник приступает к изучению

⁷⁶ Лекция 14 августа 1836 г.: ГАРФ. Ф. 678. Ед. хр. 233. Оп. 1. Л. 79.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 678. Ед. хр. 233. Оп. 1. Л. 6 об.

⁷⁸ Об общих характеристиках дневника Александра Николаевича см.: [Ребеккини 2019: 19–46].

⁷⁹ Дневник Александра Николаевича за 1835 г. // ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 284. Л. 5 об.

текстов Карамзина. Интересно отметить, как работа с его сочинениями ведется одновременно в рамках курса Плетнева и в процессе индивидуального чтения Александра Николаевича с Жуковским в утренние часы. Если Жуковский знакомил наследника по большей части с историко-политическими трудами Карамзина, то Плетнев занимался анализом сочинений литературных. Парадоксальным образом интерпретация поэтической функции карамзинских текстов оказалась в руках Плетнева, в то время как Жуковский взял на себя обязанность показать ученику идеологическое значение произведений историографа.

25 января 1836 г. Жуковский полтора часа читал с наследником важный и противоречивый документ — записку «О древней и новой России»: «От 10 до ½ 12 Вас[илий] Анд[реевич] читал мне сочинение Карамзина о теперешнем и прежнем состоянии России, которое он [нрзб.] написал по просьбе В. К. Екатерины Павл[овны]»⁸⁰. В течение следующих недель поэт разбирал целый ряд статей, которые Карамзин опубликовал в «Вестнике Европы». 22 февраля 1836 г. Александр записал в дневнике: Жуковский «читал из Карамзина о политическом состоянии Европы в 1802 г.»⁸¹. Комментируя политическую ситуацию в Европе после Амьенского мира в момент затишья перед наполеоновскими войнами, историк констатировал конец революционной эпохи и предсказывал, что в Европе укрепится гражданский порядок. Карамзин говорил о новом устройстве европейского мира, основанном на правлении легитимном, но внимательном к благосостоянию подданных, на организации гражданского общества, благодаря которой культура и материальная сфера будут процветать, при том, что базой для нее станет социальная модель патриархального типа.

В то же время Плетнев 31 января начал анализировать «первые сочинения Карамзина» и продолжил занятия в течение всего февраля вплоть до 20 марта, когда наследник фиксирует факт чтения карамзинских «Писем русского путешественника»: «У Плетнева нам читали письма Карамзина»⁸². Затем последовало знакомство с рядом карамзинских повестей. Лекции о Карамзине, чьи историографические труды наследник уже знал по занятиям русской историей с Арсеньевым, продолжают до середины мая. Тогда же учитель немецкого языка Эртель несколько раз читал с учеником

⁸⁰ Дневник Александра Николаевича за 1836 г. ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 22.

⁸¹ Там же. Л. 48. Вероятно, Жуковский читал наследнику статьи Карамзина «Всеобщее обозрение», или «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени», опубликованные в «Вестнике Европы» (1802. № 1 и 12). См.: [Карамзин 1964: II, 258–277].

⁸² ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 26, 71.

Шиллера; а Жуковский время от времени обсуждал с ним фрагменты знаменитого курса по литературе Вильмена, где анализировалась европейская литература XVIII в. до конца Великой французской революции и творений Шенье, мадам де Сталь и де Местра⁸³. После летнего перерыва лекции Плетнева возобновились 14 августа 1836 г., когда он рассказал ученику о самом модном на тот момент отечественном поэтическом таланте — Владимире Бенедиктове, и о поэзии барона Дельвига⁸⁴. Следующие занятия (конец августа – начало сентября) оказались соответственно посвящены Дельвигу (21 августа) и вновь Дмитриеву (28 августа), тогда как Жуковский в три этапа продолжил читать с наследником другие статьи Карамзина (7, 10 и 11 сентября): «Вас[илий] Анд[реевич] читал историческую статью Карамзина о России», чередуя эти чтения с разбором некоторых воспоминаний о французской революции и наполеоновской эпохе (например, “*Mémoires d'un homme d'état*”⁸⁵). В конце сентября – начале октября 1836 г. Плетнев начал читать с великим князем творения Батюшкова (две лекции — 25 сентября и 2 октября), а затем сразу перешел к Пушкину. Судя по записям Александра Николаевича, с этого момента речь более не шла о лекциях в строгом смысле слова (он не пишет в дневнике «рассматривали», «говорили» и т. д.), но о коллективном чтении наследником и его товарищами («У Плетнева мы читали из Батюшкова») или самим учителем («Плетнев читал»). Если мы сравним упомянутых литераторов с авторами, чьи стихотворения присутствовали в списке текстов, которые наследник заучивал наизусть, то сразу бросится в глаза отсутствие в этом курсе занятий, посвященных произведениям Крылова, важность которых многожды подчеркивалась Плетневым. Еще больше удивит нас то обстоятельство, что сочинения самого Жуковского также не были предметом лекций или чтений.

Чтение текстов Пушкина непосредственно следовало за обсуждением произведений Батюшкова. «Плет[нев] читал из сочинений Пушкина», записывает наследник 9 октября 1836 г.⁸⁶ Наследник, которому к тому моменту было 19 лет, и который начал погружаться в светскую жизнь, изучал творения Пушкина чрезвычайно долго⁸⁷ — с октября 1836 г. по февраль 1837 г.

⁸³ [Villemain 1828–1829]. Жуковский лично присутствовал на лекциях Вильмена во время своего пребывания в Париже летом 1827 г. и хвалил их — см.: [Жуковский 2004: XIII, 265].

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 222. См. также заметки, посвященные этой лекции: ГАРФ. Ф. 678. Ед. хр. 233. Л. 79.

⁸⁵ Там же. Л. 245, 246, 247; [D'Allonville 1828–1838].

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 273.

⁸⁷ В конце 1836 г. Александр Николаевич записал в дневнике, что участвовал в течение года на 29 ужинах и 36 балах, не считая, разумеется, менее значимых светских событий (посещений театра и т. д.), см.: Там же. Л. 290–291.

В тот же самый период Липман и Жиль занимались с Александром Николаевичем историей Французской революции и наполеоновской эпохи, а Жуковский продолжал читать воспоминания о времени Бонапарта (“*Mémoires d’un homme d’état*”) и “*Histoire de la révolution française*” А. Тьера (в частности, об экспедиции Наполеона в Египет и о 1812 г.) [Thiers 1823–1827]. 16 октября 1836 г. наследник, Виельгорский и Паткуль разбирали первую пушкинскую поэму: «У Плетнева мы читали из сочинений Пушкина Руслан»⁸⁸. В отличие от творений других авторов, на сей раз великий князь точно указал в дневнике название прочитанного пушкинского произведения. На следующей неделе пришла очередь «Кавказского пленника»: «Плетнев читал из сочинений Пушкина Кавказский Пленник», — записал наследник 23 октября⁸⁹. С конца октября и в ноябре, когда разразился скандал между Дантесом и Пушкиным, едва не дошедший до дуэли, Александр Николаевич читал «Евгения Онегина». Он занес в дневник 30 октября: «От 10 до ½ 12 мы читали с Плетневым Пушкина Онегина»⁹⁰. Тогда же Жуковский просил царя призвать Пушкина и попытаться предотвратить дуэль. Мы не знаем, в какой мере наследник был осведомлен (и был ли осведомлен вообще) о биографических обстоятельствах Пушкина, о которых при дворе говорили много. Возможно, он мог узнать о них даже не от Жуковского, а от Иосифа Виельгорского (его отец Михаил оказался в числе адресатов анонимных писем, отправленных бароном Геккерном), одной из фрейлин императрицы или от другого члена придворного общества, учитывая то, что Александр Николаевич являлся частым гостем светских раутов. 6 и 13 ноября 1836 г. наследник продолжил чтение «Евгения Онегина», который был ему все более и более интересен. Он отметил в дневнике 13 ноября: «Плетнев читал нам продолжение Пушкина Онегина, что мне очень нравится»⁹¹ (заметим, что в своих записях наследник почти всегда воздерживается от суждений о прочитанных текстах). Чтение «Онегина» завершилось 20 ноября 1836 г., когда великий князь вновь повторил свое прежнее мнение: «Плетнев окончил чтение Пушкина Онегина, что мне чрезвычайно понравилось»⁹². Буквально тремя днями позже, 23 ноября, Пушкин был у царя в Аничковом дворце и обещал тому не участвовать в дуэлях.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 278.

⁸⁹ Там же. Л. 284.

⁹⁰ Там же. Л. 288.

⁹¹ Там же. Л. 297, 300.

⁹² Там же. Л. 304.

В те же дни конца ноября наследник часто посещал с родителями театр: 23 ноября в Александрийском театре он видел комедию Фонвизина «Недоросль», которую нашел «очень смешной»; 27 ноября был на первой постановке оперы Глинки «Жизнь за царя», либретто которой написано при участии Жуковского. На наследника произвели впечатления не только внушительные декорации и постановка, но и музыка Глинки, «совершенно русская, оригинальная»⁹³, которая сразу стала образцом для русской национальной оперы. В тот же день в Аничковом дворце его учитель продолжил чтение пушкинских сочинений, оно возобновилось и на следующей неделе: 4 декабря в течение полутора часов наследник читал с Плетневым «из сочинений Пушкина»⁹⁴.

Тем временем Жуковский не прекращал знакомить великого князя с историческими мемуарами — на сей раз записками о революции и империи А. Тибодо [Thibaudeau 1827]; на следующей неделе наставник прочел письмо, написанное им царю в 1832 г. по случаю закрытия журнала «Европеец», в котором поэт защищал перед Николаем свою репутацию и репутацию Ивана Киреевского, а также излагал монарху свои политические идеи [Гилельсон 1965: 114–124]. Наследник занес в дневник 8 декабря 1836 г.: «Мы разговаривали с Вас<илием> Анд<реевичем> и мне читал то оправдательное письмо, которое он написал Государю 4 года назад»⁹⁵. Это чтение служит доказательством не только независимости педагога, но и значительного доверия Жуковского к критическому чувству своего ученика. После чтения записки «О древней и новой России» Карамзина знакомство с этим письмом стало очередным жестом, подтверждавшим необходимость взаимной автономии и уважения в отношениях между поэтом и монархом и, шире, между одним из крупнейших представителей русской культуры и властью. И в этом случае чтение Жуковского служило «действием» — утверждением собственной независимости. Это обстоятельство должно было отразиться и на отношении будущего императора к Пушкину, который в те годы все менее чувствовал себя защищенным в личной и творческой свободе от притязаний политической власти: «Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно поступать как им угодно. <...> Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже у господ Бога», — писал он жене в июне 1834 г. [Пушкин 1977–1979: X, 381].

⁹³ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 306, 309.

⁹⁴ Там же. Л. 308, 314.

⁹⁵ Там же. Л. 318.

В течение всего декабря 1836 г. Плетнев продолжал читать пушкинские произведения на своих полуторачасовых занятиях. Лишь иногда, как это случилось 18 декабря, учитель оставался с учеником на полчаса дольше обыкновенного, чтобы разбирать тексты: «С Плетневым читали из сочинений Пушкина, до часа рассматривали»⁹⁶. В конце декабря, наследник, возможно, по своей инициативе, читал помимо занятий с Плетневым «Капитанскую дочку» Пушкина, вышедшую 22 декабря в четвертом томе «Современника». Порой чтение происходило в присутствии его многочисленных молодых друзей. После краткой болезни, поразившей наследника в конце года, 1 января 1837 г. он записал в дневнике: «Весь вечер я пролежал мне читали и у меня были Адлерберг, Мердер, Фридрих, Толстой, и папа нашел, что мы слишком много <sic! — Д. Р.> и у меня остались только Паткуль и Саша, и Назимов (?) мне снова читал из Современника Капитанскую дочь Пушкина»⁹⁷. Как мы видим, царь следил за чтением своего почти 19-летнего сына и регулировал состав слушателей.

Разумеется, великий князь не единственный при дворе прочитал «Капитанскую дочку»: она привлекла к себе всеобщее внимание, и сестра наследника Ольга Николаевна вспоминала в записках: «мы буквально глотали его последнее произведение “Капитанская дочка”, которое печаталось в “Современнике”» [Николай I 2000: 225]; младший брат Константин Николаевич несколькими годами позже, в 1842 г., даже нарисовал иллюстрации к роману [Сидорова 2019: 178–179]. Чтение этого имевшего успех сочинения после знакомства со многими другими произведениями Пушкина помогло Александру Николаевичу по-новому оценить Пушкина-романтика — автора «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана» и даже «Евгения Онегина».

В течение всего января Плетнев продолжал чтение на своих лекциях — иногда читал он, иногда ученики (см. записи от 8, 15 и 22 января⁹⁸). Тогда же Жуковский познакомил великого князя с записками Наполеона, изданными Э. де Лас Казом⁹⁹. Мы точно не знаем, какие произведения Пушкина

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 324.

⁹⁷ Там же. Л. 342. Незадолго до «Капитанской дочки» наследник познакомился с другим только что вышедшим историческим повествованием — с романом «Скопин Шуйский», который был написан фрейлиной Олимпиадой Шишкиной и высоко оценен Жуковским и Плетневым (см., например, рецензию Плетнева в «Северной пчеле», декабрь 1836: [Плетнев 1885: I, 239–241]).

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 347, 350, 354.

⁹⁹ [Las Cases 1823]. См. запись в дневнике Александра Николаевича от 11 января 1837 г.: ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 348.

читал наследник с Плетневым в январе. Если в их числе был «Борис Годунов», то чтение могло оказаться весьма поучительным как в историческом, так и в политическом смысле.

Утром 29 января, проведя предыдущий день и ночь у изголовья умиравшего Пушкина, Плетнев в 10 часов начал читать с наследником «Историю Пугачевского бунта», другое творение, в отличие от романа не имевшее успеха у публики¹⁰⁰. Чтение продолжалось по крайней мере на четырех лекциях — 29 января, 5, 12 и 26 февраля¹⁰¹. Как иронически заметил Пушкин несколькими месяцами ранее, летом 1836 г., некоторые критики нашли, что произведение недостаточно «байронично»: «История пугачевского бунта писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистью Байрона»¹⁰². В глазах Александра Николаевича на романическое видение пугачевской истории в «Капитанской дочке» накладывалась аккуратная реконструкция событий Пушкина-историка. Лишь в начале марта, судя по дневнику наследника, Плетнев начал читать с ним только что вышедшую «Ундину» Жуковского, знакомство с которой продолжалось до начала апреля 1837 г., когда лекции Плетнева прекратились.

6. Рассматривая чтение пушкинских текстов, мы замечаем, сколь много внимания Плетнев уделял тому, чтобы эти творения напрямую, без посредников, доходили до наследника. Если судить по дневнику, то учитель старался максимально ограничить собственные комментарии и объяснения, отводя большую часть времени непосредственному чтению текстов. Возможно, именно поэтому мы и не находим в бумагах великого князя записей об этих лекциях. В то же время видно, какое огромное место было отдано учителями именно произведениям Пушкина, а не других еще живших тогда или уже умерших авторов: 17 лекций — Пушкину, семь — Карамзину, лишь две — Батюшкову и удивительным образом ни одной — Жуковскому и Крылову¹⁰³. Непосредственное чтение, регулярное и длительное, пушкинских творений, конечно, имело педагогическую и эстетическую функцию —

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 359.

¹⁰¹ Там же. Л. 371, 374, 386.

¹⁰² Пушкин А. С. Об «Истории Пугачевского бунта» (Разбор статьи, напечатанной в «Сыне Отечества» в январе 1835 года) [Пушкин 1977–1979: VIII, 263].

¹⁰³ Отсутствие чтений или лекций, посвященных творениям Жуковского и Крылова, тем более трудно объяснить, что понятие «народность» Плетнев считал главной отличительной чертой последнего этапа в развитии русской литературы. В статье «О народности в литературе» он писал о Карамзине и Крылове как об авторах, которые в наибольшей степени олицетворяли «народность» в своих произведениях, созданных в эпоху Александра I [Плетнев 1885: I, 237].

окончательно канонизировать тексты поэта в глазах Александра Николаевича и двора. В то же время чтение помогало создать более тесные и прямые связи между наследником и Пушкиным.

Длительное чтение пушкинских сочинений внутри курса Плетнева, как кажется, отвечало идеологической стратегии Жуковского и Плетнева в придворном обществе. С его помощью два пушкинских друга конструировали культурный контекст, в который наследник должен был поместить не только актуальное развитие русской словесности того периода (например, изострить свое критическое суждение о «торговом направлении» Булгарина и Сенковского), но также и недавние обстоятельства биографии Пушкина. Наставники предполагали рассеять в глазах будущего монарха многие из предрассудков как политического и религиозного, так и личного характера, за долгое время сложившихся вокруг фигуры Пушкина и в значительной степени связанных с его юношескими сочинениями. Жуковский чувствовал, что существовала тесная связь между репутацией Пушкина при дворе и в большом свете в середине 1830-х гг. — слухами о его антимонархическом, кощунственном и развратном поведении, — и его ранними текстами, как принадлежавшими, так и приписанными ему. Как замечал Жуковский сразу после смерти Пушкина: «по старому один раз навсегда укоренившемуся предубеждению, говоря о Пушкине, все указывают на оду ко *Свободе*, на *Кинжал* — написанные им <...> в 1820, и выставляют 20-летнего Пушкина, чтоб осуждать 36-летнего»¹⁰⁴. Особенно с ноября 1836 г., когда произошел конфликт с Дантесом, Пушкин постоянно находился в центре сплетен и наговоров придворного мира. Вся история с ухаживанием Дантеса за Натальей Николаевной читалась и интерпретировалась при дворе, в особенности императрицей, не в свете фактов, неизвестных большинству людей этого круга, а через призму литературных и романических впечатлений. Многие

¹⁰⁴ Имеет смысл привести здесь более обширный фрагмент из черного письма Жуковского к Бенкендорфу, написанного сразу после смерти Пушкина (февраль–март 1837). Жуковский доказывал, что отношение правительства к Пушкину в последние годы было полно предрассудков: «Годунов, Полтава, многие песни на Петра Великого, ода на взятие Варшавы, Клеветникам России и многие другие написаны им при нынешнем государе, это его последние творения, по ним и следует теперь судить его. Несмотря на то, по старому один раз навсегда укоренившемуся предубеждению, говоря о Пушкине, все указывают на оду ко *Свободе*, на *Кинжал* — написанные им... в 1820, и выставляют 20-летнего Пушкина, чтоб осуждать 36-летнего. Смею уверить, что в последние годы он ничего возмутительного не только не написал, но и про себя не думал. Я знал его образ мыслей. В суждениях политических он, как ученик Карамзина, признавал *самодержавие* необходимым условием бытия и безопасности России; был почти фанатический враг польской революции и ненавидел революцию французскую... Но предубеждение, раз укоренившись, не уступит и очевидности» [Щеголев 1987: 207–208].

истолковывали связь Дантеса с Натальей Николаевной и Екатериной Николаевной посредством сюжетных схем, заимствованных из недавних французских романов в духе неистовой словесности. София Николаевна Бобринская, близкая подруга императрицы и важная фигура петербургского света, 25 ноября так описывала ситуацию: «Это какая-то тайна любви, героического самопожертвования, — это Жюль Жанен, это Бальзак, это Виктор Гюго. Это литература наших дней. Это возвышенно и смехотворно» [Абрамович 1994: 137]. Даже Александр Карамзин в середине 1837 г. сообщал, что конфликт Дантеса с Пушкиным и его брак с Екатериной Гончаровой, уладивший дело, оценивался таким образом, будто происходил в романе *à la Balzac*: «Таким образом кончился сей роман *à la Balzac*, к большой досаде С. Петербургских сплетников и сплетниц» [Там же: 249]. Согласно намерениям Жуковского и Плетнева, близкое знакомство с корпусом пушкинских текстов могло помочь молодому наследнику правильно, не поверхностно и без литературных отсылок, истолковать поведение Пушкина. Глубокое знание всех его произведений, а не только юношеских и романтических творений, служило гарантией корректной интерпретации не только его разностороннего поэтического таланта, но и самой личности Пушкина. Чтение одного «Евгения Онегина», которое Александр Николаевич завершил 20 ноября, в те самые дни, когда скандал достиг своего апогея, в этом смысле едва ли оказалось бы полезным. Общий взгляд на весь корпус текстов, с «Полтавой», «Клеветниками России» и «Бородинской годовщиной», последними историческими и прозаическими трудами, давал возможность иначе посмотреть и на юношеские творения поэта, делал воззрения наследника на фигуру Пушкина более ясными и менее романическими в сравнении с точкой зрения двора. Та же Александра Федоровна, узнавшая от мужа подлинные мотивы, скрывавшиеся за «героическим самопожертвованием» Дантеса, до последних дней нового январского кризиса продолжала считать поведение приемного сына Геккерна всего лишь романтическим и рыцарским, а образ действий Пушкина — инстинктивным и бесстыдным.

В дни дуэли и смерти поэта мнения Александра Николаевича и его матери о Пушкине очевидным образом расходятся. 28 января 1837 императрица писала в своем дневнике: «Плохо спала, разговор с Бенкендорфом, полностью за Дантеса, который, мне кажется, вел себя как бедный рыцарь, Пушкин, по словам Загряжской, как грубиян (*wie ein grober Kerl*)» [Герштейн 1962: 214]. В тот же день она отметила в письме к Бобринской: «я не могла заснуть до 3 часов, мне все время представлялась эта дуэль, две рыдающие сестры, одна жена убийцы другого. — Это ужасно, это страшнее, чем

все ужасы модных романов. Пушкин вел себя непростительно, он написал наглые письма Геккерну, не оставя ему возможности избежать дуэли» [Герштейн 1962: 214]. Александра Федоровна, казалось, воспринимала пушкинское дело в соответствии с романтическими и романическими стереотипами. 30 января 1837 г. она писала подруге Бобринской: «Этот только что угасший Гений, трагический конец гения истинно русского, однако ж иногда и сатанинского, как Байрон. — Эта молодая женщина возле гроба, как Ангел смерти, бледная как мрамор, обвиняющая себя в этой кровавой кончине, и, кто знает, не испытывает ли она рядом с угрызениями совести, помимо своей воли, и д р у г о е чувство, которое увеличивает ее страдания — Бедный Жорж, как он должен был страдать, узнав, что его противник испустил последний вздох» [Там же]. По мнению же Александра Николаевича, остававшегося в стороне от придворных интриг, сочувствия заслуживал именно Пушкин. В тот же самый день, 28 января, наследник записал в дневнике: «был потом при докладе Чернышева и там Государь нам сказал, что вчера в 5-м часу пополудни, бедный Пушкин был смертельно ранен в дуэле»¹⁰⁵. Вечером 29 января наследник вновь упоминал поэта: «У Плетнева мы читали Историю Пугачевского бунта бедного Пушкина, который уже без всякой надежды был»¹⁰⁶. И сразу же он добавил: «Обедал я с сестрами у Мамы и во время обеда узнали, что бедный Пушкин от раны скончался к $\frac{3}{4}$ 3 часа»¹⁰⁷. Непосредственное знакомство с текстами Пушкина могло способствовать тому, что в уме наследника окончательно созрело высокое мнение не только об эстетической ценности его творений, но и о достоинстве его жизненного пути.

В свете сказанного роль Жуковского и Плетнева в консолидации позитивной репутации Пушкина в глазах их ученика и, шире, членов императорской семьи и двора представляется фундаментальной. Об этом свидетельствовал сам наследник. Читая «Историю пугачевского бунта», Александр Николаевич описал в дневнике, как Жуковский объяснял обстоятельства смерти Пушкина перед своим учеником и его матерью. Александр заметил 2 февраля 1837 г.: «Воротившись домой я зашел к маме и <нрзб> позавтракал. Вас<илий>. Ан<дреевич>. Жук<овский> пришел к нам и рассказывал нам в большой подробности всю эту ужасную Пушкинскую историю»¹⁰⁸.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 358.

¹⁰⁶ Там же. Л. 359.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. Л. 367.

7. В прощальном письме, которое Плетнев отправил Александру Николаевичу весной 1838 г. по окончании своего курса по литературе, учитель писал об особом значении пушкинских творений в развитии русской литературы. В частности, он указывал на оценку Пушкина как «национального поэта», прежде сформулированную Гоголем, затем поддержанную Жуковским и явно оформившуюся уже после смерти поэта [Киселева 2001: 171–185]. Плетнев напоминал ученику, что одна из ключевых идей всего курса заключалась в следующем: «явление писателя с талантом есть залог открытия каких-нибудь истин», а в их время «посреди стройных памятников таланта, ума и вкуса один влечет к себе преимущественное внимание; потому что его творец изобразил судьбу России»¹⁰⁹. Трудно сказать, что имел в виду Плетнев, когда писал наследнику, что Пушкин «изобразил судьбу России»; равно как сложно оценить, сколь сильно повлияло чтение пушкинских текстов на Александра Николаевича в поэтическом и идеологическом плане, т. е. каковы оказались последствия того «действия», которое совершили Жуковский и Плетнев с помощью чтения пушкинских произведений. Анализ этого аспекта вышел бы за хронологические границы нашего исследования. Мы ограничимся тем, что кратко напомним о трех случаях, когда пушкинские творения в разной степени *могли оставить след* в воззрениях Александра Николаевича.

Сразу после окончания последнего курса Плетнева, в начале мая 1837 г., великий князь отправился вместе с Жуковским в длительное путешествие по России. Перед отъездом царь разъяснил участникам вояжа, включая Жуковского, в чем состояла цель этой поездки: «Я хочу, чтобы он <Александр Николаевич. — Д. Р.> обозревал все, достойное примечания, с надлежащей точки, чтобы видел вещи так, как они есть, а не поэтически; поэзия в сторону, я не люблю ее там, где нужна существенность. Великий князь должен знать Россию так, как она есть» [Николай I 1997: 54]. И все же патриотическое чувство наследника проснулось в тот момент, когда он очутился на поле Полтавской битвы, первое впечатление о которой получил благодаря пушкинским стихам, прочитанным в опубликованном Жуковским «Собирателе»: «Мы проехали на достопримечательное поле *Полтавского боя*», — писал он отцу, — «на которое никогда сердце русское не может хладнокровно смотреть, вспомнив, что на сем месте решилась судьба нашего Отечества. Великий Петр положил этим основанием великой России, которая, благодаря Ему, сделалась тем, что она теперь есть» [Венчание 1999: 124].

¹⁰⁹ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 5, 9.

Трудно сказать, в какой мере чтение пушкинского отрывка могло способствовать пробуждению этого патриотического чувства. Учитывая то, что с тех пор прошло уже много времени (восемь лет) и наличие в распоряжении наследника других источников по данной теме, пушкинский вклад в дело мог оказаться весьма невелик.

Второй случай имеет отношение к чтению «Истории пугачевского бунта», которое имело место всего лишь несколькими месяцами раньше. 25 мая 1837 г., прибыв в Кунгур, наследник столкнулся со следами пугачевского восстания: «Я заходил в собор, в котором еще хранится знамя, бывшее в употреблении жителями при защите города против Пугачева, которого они называют Пугачем» [Венчание 1999: 49]. Здесь наследник, кажется, точно уловил связь между приверженностью части населения к старообрядчеству и опасным расколом, который развивался из-за давления со стороны православной церкви и властей: «Там много раскольников, от которых поступило большое множество просьб, заслуживающих особого внимания. Они все жалуются на миссию, которая, говорят они, их притесняет <...>», — писал он отцу, — «они, закоренелые раскольники, ненавидят единоверцев и всю духовную нашу власть, в прошениях своих они объясняют, что поелику в России веротерпимость позволяет всем проповедовать свою религию, даже и магометанам, евреям и язычникам, то почему их — древних сынов Православной церкви притесняют. <...> ... это положение точно заслуживает особенного внимания, ибо они могут быть приведены до крайности местными властями, которые часто грубо и неосторожно приступают к выполнению благих намерений правительства» [Там же: 49–50]. Возможно, недавнее чтение пушкинских текстов о Пугачеве («Капитанской дочки» и «Истории пугачевского бунта») способствовало развитию у великого князя способности критического осмысления исторической реальности, позволившей ему правильно оценить расстановку противоборствующих сил, их специфическую логику и взаимное напряжение их интересов. При этом ясно, что чтение пушкинских сочинений не оказало решающего воздействия на формирование у наследника особого поэтического стиля. Во всем дневнике мы находим лишь одно-единственное стихотворение¹¹⁰. Оно было создано в момент глубокого страдания, когда отец приказал ему

¹¹⁰ [Савин 1926: 62–82].

разорвать страстные любовные отношения с фрейлиной Ольгой Малиновской и жениться на будущей императрице Марии Александровне. Впрочем, стихотворение это написано не по-русски, а по-французски¹¹¹.

Литература

Абрамович 1994: *Абрамович С. А.* Предыстория последней дуэли Пушкина. Январь 1836 – январь 1837. СПб., 1994.

Айзикова, Матвеевко 2003: *Айзикова И. А., Матвеевко И. А.* О сочетании переводной и оригинальной прозы В. А. Жуковского в Собрании (К вопросу об эволюции прозы писателя) // *Известия Томского политехнического университета*. 2003. Т. 306. № 2. С. 147–154.

Вдовин, Лейбов 2013: *Вдовин А., Лейбов Р.* Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX века // *Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон*. Тарту, 2013. С. 7–33.

Вдовин, Лейбов 2014: *Вдовин А., Лейбов Р.* Пушкин в школе: curriculum и литературный канон XIX в. // *Лотмановский сборник*. 4. М., 2014. С. 249–261.

Венчание 1999: Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Подг. текста, сопровод. статьи, коммент. Л. Г. Захаровой, А. И. Тютюнник. М., 1999.

Виницкий 2006: *Виницкий И. Ю.* Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М., 2006.

Герштейн 1962: *Герштейн Э. Г.* Вокруг гибели Пушкина (по новым материалам) // *Новый мир*. 1962. № 2. С. 211–225.

Гиллельсон 1965: *Гиллельсон М. И.* Письма Жуковского о запрещении «Европейца» // *Русская литература*. 1965. № 4. С. 114–124.

Годы учения 1881: Годы учения его Императорского Высочества наследника цесаревича Александра Николаевича // *Сб. Имп. Русского историч. об-ва*. Т. 30. СПб., 1881. С. 197–266.

Гуковский 1995: *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1995.

Егунов 1964: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах. М.; Л., 1964.

¹¹¹ Это стихотворение Александр Николаевич записал в дневнике 9 июля 1839 г.: “Lorsque dans le desert qu'on appelle la vie, / Rien ne s'offre à nos yeux que puisse les charmer / Qu'à nos yeux les plus chères l'expérience est ravie, / Que le néant lui-même a de quoi faire envie, / À l'âme qui veut vivre et ne peut aimer, / Quand sous un joug de plomb le coeur s'affaiblie et ploie, / Losqu'à nous même enfin nous nous faisons pitié! / C'est de tel momens (sic) que le ciel nous envoie, / S'il veut qu'en sa bonté notre âme espère et voie, / Un Soutien, un Sauveur... l'ange de l'amitié” (ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Ед. хр. 289. Л. 115).

- Жуковский 1895: *Жуковский В. А.* Письма к А. И. Тургеневу / Под ред. И. А. Бычкова. М., 1895.
- Жуковский 1904: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского // Уткинский сборник. М., 1904. Вып. I.
- Жуковский 1985: *Жуковский В. А.* Эстетика и критика / Подгот. текста, вступит. статья, сост. и примеч. Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М., 1985.
- Жуковский 2004: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13: Дневники. Письма–дневники. Записные книжки, 1804–1833. М., 2004.
- Жуковский 2014: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 10. Кн. 1: Проза 1807–1811 гг. М., 2014.
- Жуковский 2016: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 11. Кн. 1: Проза 1810–1840-х гг. М., 2016.
- Захарова 2004: *Захарова А. Г.* Наследник // Историк и художник. 2004. № 1. С. 181–197.
- Карамзин 1964: *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1964.
- Киселева 2001: *Киселева А. Н.* Пушкин и Жуковский в 1830-е годы. (Точки идеологического сопряжения) // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 171–185.
- Ларионова 2001: *Ларионова Е. О.* «Услышишь суд глупца...» (журнальные отношения Пушкина в 1828–1830 гг.) // Пушкин в прижизненной критике. Т. 2. 1828–1830 / Под ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001. С. 5–25.
- Лямина, Самовер 1999: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: жизнь и смерть Иосифа Вильгельмского. Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999.
- Мердер 1885: Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича, 1824–1834 гг. // Русская старина. 1885. Т. 45. № 2. С. 339–364; Т. 46. № 6. С. 481–510.
- Немзер 2013: *Немзер А. С.* «Песнь О вещем Олеге» и ее следствия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. С. 233–301.
- Николай I 1997: *Николай I.* Наставления наследнику. Материалы к путешествию цесаревича Александра Николаевича по России и Европе в 1837–1839 годах / Публ., примеч. и послеслов. Н. В. Самовер // Наше наследие. 1997. № 39–40. С. 50–57.
- Николай I 2000: Николай I. Муж, отец, император / [Сост., предисл. Н. И. Азаровой]. М., 2000.
- Остин 1999: *Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. М., 1999. С. 15–138.
- Переписка цесаревича 2008: Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839 / Под ред. А. Г. Захаровой, С. В. Мироненко. М., 2008.
- Плетнев 1885: *Плетнев П. А.* Сочинения и переписка. Т. 3 / Под ред. Я. К. Грота. СПб., 1885.

- Проскурин 1999: *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина или Подвижный палимпсест. М., 1999.
- Пушкин 1977–1979: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977–1979.
- Ребеккини 2013: *Ребеккини Д. В. А.* Жуковский и библиотека престолонаследника Александра Николаевича (1828–1837) // Жуковский. Исследования и материалы. Т. 2. Томск, 2013. С. 76–136.
- Ребеккини 2014: *Ребеккини Д.* Научная диглоссия в историческом образовании Александра II (Лекции о Петре Великом) // Лотмановский сборник. 4. М., 2014. С. 260–276.
- Ребеккини 2019: *Ребеккини Д.* «Ты себе не принадлежишь...» Субъект и власть в ранних дневниках Александра II (1826–1839) // Автобиография. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. Vol. 8 (2019). P. 19–46.
- Савин 1926: *Савин А. Н.* Сватовство Цесаревича Александра Николаевича // Труды Института истории. Сб. статей. Вып. 1. Памяти А. Н. Савина. 1876–1923. М., 1926. С. 59–116.
- Сенькина 2013: *Сенькина А.* Изящная словесность как дидактический материал: к истории русской литературной хрестоматии (первая половина XIX в.) // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. С. 35–53.
- Сидорова 2019: *Сидорова А. Н.* «Образовать в детях ум, сердце и душу». Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II. М., 2019.
- Смирнов-Сокольский 1977: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о книгах. М., 1977.
- Томашевский 1956: *Томашевский Б. В.* Пушкин. Книга первая (1813–1824). М.; Л., 1956.
- Томашевский 1961: *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 2. М., 1961.
- Тургенев 1983: *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем.: В 30 т. Т. 11. М., 1983.
- Шильдер 1903: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1903.
- Щеголев 1987: *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. М., 1987.
- Якобсон 1975: *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975.
- D'Allonville 1828–1838: *D'Allonville A. et al.* Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état, sur les causes secrètes qui ont déterminé la politique des cabinets dans les guerres de la révolution. Paris, 1828–1838.
- Homère 1825: Oeuvres d'Homère, avec des remarques; procédées de reflexions sur Homère et sur la traduction des poètes, par B. J. Bitaubé. Т. 1–4. Paris, 1819; Oeuvres d'Homère. Traduction nouvelle par Dugas Montbel. L'Iliade. L'Odysée. Т. 1–4. Paris, 1825.
- Keil 1978: *Keil R. D.* Der Fürst und der Sänger. Varianten eines Balladenmotivs von Goethe bis Puškin // Studien zur Literatur und Aufklärung in Osteuropa: Aus Anlaß des VIII. Internationalen Slavistenkongresses in Zagreb. Gießen, 1978.

Las Cases 1823: de Las Cases E. *Mémorial de Sainte-Hélène, ou journal où se trouve consigné, jour par jour, ce qu'a dit et fait Napoléon durant dix-huit mois.* Paris, 1823.

Rebecchini 2014: *Rebecchini D. Reading with maps, prints and commonplace books, or how the poet V. A. Zhukovsky taught Alexander II to read Russia (1825–1838) // Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930.* Milano: Ledizioni, Disegni, 2014.

Thibaudeau 1827: *Thibaudeau A. Mémoires sur la Convention et sur le Directoire.* Paris, 1827; *Idem. Mémoires sur le Consulat, 1799 à 1804.* Paris, 1827.

Thiers 1823–1827: *Thiers A. Histoire de la révolution française.* Paris, 1823–1827.

Villemain 1828–1829: *Villemain A. F. Tableau du dix-huitième siècle. Vol. 1–4.* Paris, 1828–1829.